Анна Платунова
Наталья Шнейдер
БОЛЬНИЦА
на Змеиной Горе

Наталья Шнейдер
Анна Платунова

Больница на Змеиной Горе

Серия «Больницы в магическом мире», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69435463
SelfPub; 2024

Аннотация

Нашей дочери грозит опасность. Мы с мужем сделаем все, чтобы защитить нашего ребенка. Бросим столицу и безбедную жизнь и спрячемся в провинциальном городке. Никто не узнает, что Грейс и Ланселот Даттон – аристократы и целители…Вот только последнее скрыть сложнее. Ведь жителям Змеиной горы – оркам, гоблинам, оборотням – очень нужна наша помощь.Я думал, что смогу увезти семью в безопасное место. Но убийца не остановится. И пусть я целитель, а не боевой маг, я должен найти способ спасти нашу дочь!

Содержание

*** 1 *** 5
*** 2 *** 12
*** 3 *** 18
*** 4 *** 23
*** 5 *** 29
*** 6 *** 33
*** 7 *** 39
*** 8 *** 44
*** 9 *** 50
*** 10 *** 56
*** 11 *** 61
*** 12 *** 65
*** 13 *** 69
*** 14 *** 75
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Наталья Шнейдер, Анна Платунова Больница на Змеиной Горе

БОЛЬНИЦА НА ЗМЕИНОЙ ГОРЕ

*** 1 ***

– До свидания, монна Даттон.

Ночной охранник привстал со своего места и раскланялся со мной. Зеленая физиономия орка расплылась в приветливой улыбке, обнажившей подточенные клыки.

– Доброй ночи, Фрибс.

Я хотела закончить сегодня пораньше, чтобы успеть уложить Лори спать, но, как это обычно бывает, спокойный день закончился неприятностями, которые посыпались как из рога изобилия. Сначала господин Таббрис притащил за загривок сынишку, который, по его мнению, наелся ядовитых ягод. Мальчишка отказывался сменить ипостась, прятался под кушетку, огрызался, щелкал зубами, пришлось выманивать его тряпичной куколкой Глории: дочь засунула ее ко мне в сумочку и забыла. Малыши-оборотни любят такие игрушки. Пока Йок трепал ее, я провела диагностику.

– Все в порядке, господин Таббрис, – уверила я испуганного отца. – От пары ягод вреда не будет. Сейчас я дам вам микстуру, пусть мальчик примет две ложки на ночь. И, прошу, следите за тем, чтобы он больше времени проводил в человеческой ипостаси.

– Да, да, знаю, – вздохнул оборотень. – Но он так любит чувствовать себя волком. Хотя это тормозит развитие…

Едва я распрощалась с пациентами, как появилась пожи-

лая гоблинка, госпожа Лукут. Она была уверена, что сломала руку. К счастью, оказалось, что это растяжение. В своем почтенном возрасте госпожа Лукут не оставила прежние привычки: она собирала яблоки в своем саду, ветка подломилась, и гоблинка упала на землю.

Пока я накладывала тугую повязку, сплетая заживляющее заклинание, часы на ратуше пробили девять вечера.

Бедная Лори, снова ляжет спать под присмотром нянюшки. Горе-родители заняты с утра до вечера. Мы с Лансом стараемся укладывать дочь хотя бы по очереди, но сегодня муж допоздна на заседании совета.

Когда я приеду, малышка будет видеть десятый сон. Ничего, завтра утром позавтракаем вместе…

Я уже спускалась по ступенькам, когда мысли прервал пронзительный писк сигнального артефакта. Я вытащила из кармана кристалл кварца, мерцающий алым. Случилось что-то плохое!

Няню, госпожу Клэри, нельзя назвать паникершей. Она ни за что не стала бы беспокоить меня на работе из-за пустяков. Я помню один-единственный раз, когда добропорядочная гномиха вызвала меня посреди дня: у Глории появилась сыпь и поднялась высокая температура – оказалось, дочь подхватила ветрянку.

Что же сейчас произошло? Упала? Порезалась? Потерялась?

Я додумывала уже на бегу. Кольцо на указательном паль-

це правой руки сняло защиту с двери мобиля. Я прыгнула на сиденье и тут же вдавила педаль в пол и переключая рычаги. Хорошо все-таки, что Ланс настоял, чтобы я выучилась водить! А потом подарил самую безопасную и новую модель. Подумать только, когда-то мобили казались мне недоступным чудом, а теперь я сама с легкостью управляю самодвижущимся механизмом.

Я кинула кристалл кварца на соседнее сиденье. Он по-прежнему пищал и светился – значит, няня не отключила сигнал.

– Что же там у вас происходит? – бормотала я, пристально глядя на дорогу.

Хотя краем глаза нет-нет да косилась на артефакт и поэтому едва не врезалась на повороте в фургон зеленщика.

«Проклятие! Надо собраться! Чего я паникую? Там охраны полон дом!»

После того как начались нападения на родственников члена совета, граф Даттон потребовал, чтобы мы перебрались в их дом, и Ланс впервые не стал возражать отцу. Родовое имение Даттонов —почти неприступный бастион: высокие стены, охранные артефакты и хорошо обученные телохранители. Не стоит волноваться!

Однако, как только я миновала ворота, распахнутые настежь, стало понятно, что волновалась я не напрасно.

Подъездная аллея огибала левое крыло здания. Там, в левом крыле, на втором этаже располагались наши с Лансом

комнаты и детская Лори.

Я подняла глаза на окно, закричала и изо всех сил втопила в пол педаль тормоза. Рванула дверцу мобиля и едва не вывалилась на дорогу, но тут же, подхватив длинный подол, рванула к дому.

Окно детской оказалось открытым, занавеска сорвана. Мы всегда закрываем окна. Ланс даже наложил дополнительное заклинание – когда шаловливые ручки Глории тянулись к окну, оно говорило строгим голосом Ланса: «Ай-яй, малышка, отойди подальше!»

Под окном в траве кто-то лежал без движения.

– Нет, нет, нет… – шептала я.

Подбежала ближе и испытала одновременно огромное облегчение и шок. На траве лежал один из телохранителей – молодой гоблин. Он был мертв. Никто бы не выжил после таких ранений: разорвана грудная клетка, да так, что торчат осколки ребер.

Я проглотила рвущийся наружу испуганный крик и поборола минутную слабость. Сейчас я не женщина – я целитель.

Я проверила сердцебиение и дыхание. Нет, парню уже не помочь.

Я задрала голову к окну, борясь с искушением позвать дочь. Бросилась обратно к мобилю – так быстрее, чем бегом. Колеса со свистом затормозили у крыльца, вырывая из земли фонтан мелких камушков и песка.

Я кинулась в дом. В холле, в гостиной – темнота, не горит

ни один светильник. Слуги в это время уже расходятся по комнатам. Надеюсь, поэтому в доме так тихо…

Я побежала по лестнице на второй этаж, по пути сотворив светлячка, чтобы освещать дорогу. Сердце колотилось, но разум приобрел невероятную ясность. Что бы там ни произошло, я должна сохранять спокойствие, чтобы помочь дочери.

Я толкнула дверь, ведущую в коридор, где располагались наши комнаты, и почти сразу натолкнулась на распростертое на полу тело – снова охранник. Изуродован. Мертв.

Я закусила губу, чтобы не начать истерически звать Глорию, и осторожно пошла вперед.

Из детской Лори сквозь распахнутую дверь лился уютный свет ночника. Царила обманчивая тишина, и, если бы не тело охранника в коридоре, я бы могла подумать, что все в порядке.

Я несколько раз вдохнула, сжала кулаки и переступила порог.

Первое, что бросилось мне в глаза, – кровь. На стенах, на полу, на розовом детском покрывале. Взгляд выхватил тело няни, брошенное у стены, как сломанная кукла. У противоположной стены лежал еще один телохранитель.

В центре комнаты на белом ковре с мягким длинным ворсом чернела клякса. Клякса издавала чавкающие звуки. Я моргнула, и зрение обрело резкость.

Не клякса. Какая-то тварь, похожая на огромную летучую

мышь. Она припала к полу, ее черные кожистые крылья подрагивали, длинные когти на концах крыльев, оба размером с охотничий кинжал, упирались в пол.

Из-под края черного крыла высовывалась рука. Тонкая детская ручка.

Я дико закричала и ударила чистой магией: времени на сплетение заклинаний не было. Я била изо всех сил, насмерть. Любому другому существу этот удар раздробил бы позвоночник и сломал шею!

Тварь смело в сторону окна. Она подняла треугольную морду и зашипела. С острых клыков капала кровь. Я едва успела рассмотреть это чудовище – узкая морда, горящие ненавистью красные глаза, тонкие щели ноздрей вместо носа.

Я ударила снова и увидела, что в кожаном крыле появилась прореха, которая тут же заполнилась черной кровью.

Тварь заверещала, вскочила на подоконник и, распахнув крылья, хотела было взлететь, но из-за ранения не смогла, рухнула вниз со второго этажа.

– Глория!

Я кинулась к дочери и, упав рядом на колени, принялась водить ладонями по маленькому телу: вливала силы и одновременно отыскивала раны. Жива. Сердце бьется. На шее самая большая рана, оставленная клыками. Потеряла много крови. Сломанная нога – пустяки.

– Ничего, ничего, – бормотала я. – Ничего. Держись, моя

Репка.

Голова отчаянно кружилась: я потратила почти всю магию.

Как же нужен сейчас Ланс! Но он на собрании совета и едва ли в курсе произошедшего… Я вот-вот потеряю сознание, и кто тогда поможет Лори?

*** 2 ***

– Слово предоставляется мэтру Ланселоту Даттону, – объявил лорд-канцлер.

Ланс занял место за трибуной. Ему не нужно было оглядываться, чтобы увидеть неодобрение во взгляде отца.

«Когда ты наконец повзрослеешь!»

Он распрямил плечи, вдохнул.

– Господин лорд-канцлер, господа Совет…

«Никогда, – в который раз подумал он. – Если повзрослеть означает сдаться, то никогда».

– Сегодня нам предстоит принять решение, чрезвычайно важное для простых жителей нашей страны. Это решение, если оно будет принято, поможет им справиться с тяжелейшими бедами, которые нам с вами даже представить трудно, – всю правду о них знают лишь те, кто пережил их сам.

Ланс репетировал эту речь не раз и не два, голос лился ровно и звучно, а что сидящие в зале, казалось, слились в одного многоголового слушателя – так это пройдет. Лет двадцать политической карьеры, и он перестанет волноваться, выступая перед Советом.

– Каждый год в нашей стране две тысячи разумных погибают на производстве, а еще сто пятьдесят тысяч – получают травмы различной степени тяжести. Масштабы трагедии поистине ужасают: ни одно даже самое кровопролитное сраже-

ние за всю историю разумных рас не становилось причиной такого колоссального количества жертв.

«Невозможно в одиночку перевернуть мир!» – раз за разом твердил лорд-канцлер. «Но можно сделать его хоть немного лучше», – неизменно отвечал Ланс.

– При этом я вовсе не берусь утверждать, будто все работодатели – злодеи и никто из них никогда не проявлял участия и доброты по отношению к своим работникам, однако предлагаемая нами мера призвана придать зыбучим пескам добровольной благотворительности гранитную твердость закона…

Лорд-канцлер постучал молотком.

– Прошу прощения, мэтр Даттон, я вынужден вас прервать.

Зал загудел – это было неслыханным нарушением всех традиций.

– Господа, Совет, приношу свои извинения, я вынужден сделать перерыв в связи с… по состоянию здоровья. Возраст подкидывает неприятные сюрпризы.

Только годами тренированная выдержка позволила Лансу удержать лицо. Отец вовсе не был стар, а здоровью его и многие молодые могли бы позавидовать.

Из зала донеслись недоуменные возгласы, которые лорд-канцлер предпочел не услышать.

– Мэтр Айбот, замените меня, – сказал он.

– Вызвать целителя? – спохватился заместитель.

Граф Даттон-старший слабо улыбнулся.

– Не стоит, целитель уже здесь. Мэтр Даттон, будьте добры.

– Да, конечно.

Ланс по-прежнему ничего не понимал, но отец вряд ли решился бы нарушить все приличия только для того, чтобы не дать партии сына убедить Совет принять новый закон. Он посмотрел в зал, нашел взглядом нужного чело… орка.

– Мэтр Кох, это ваше детище. Прошу вас, а мне придется вспомнить, что я не только политик.

Поднимаясь из-за стола, отец тяжело оперся о его локоть дрожащими пальцами, и Ланс не на шутку встревожился. Потянулся к диагностическим плетениям.

– Не сейчас, – еле слышно шепнул лорд-канцлер. – Сработал сигнальный артефакт.

В груди смерзся ледяной кристалл. Девочки дома одни!

Нет, не одни. В особняке дежурят шесть охранников, а защитные заклинания вокруг здания и на ограде отбросят любого, кто попробует их взломать. Особо непонятливого, решившего повторить попытку, и вовсе испепелят.

И все же случилось что-то, что заставило начальника охраны вырвать своего работодателя с заседания Совета, а отца – бросить все и помчаться домой.

Едва они покинули зал, рядом словно из ниоткуда соткался секретарь.

– Мой мобиль – немедленно ко входу, охране – боевая го-

товность, – скомандовал лорд-канцлер. – Любого, кто попытается помешать, – убрать с дороги любым способом.

Секретарь сорвался с места сперва на двух ногах, через несколько шагов уже мчался на четырех, и Ланс отчаянно ему позавидовал. Он сам готов был бежать домой, но мобиль быстрее человеческих ног.

– Не знаю, что там случилось, но Экхарт никогда не тревожил меня зря. – Отец тоже прибавил шагу. Потер грудь, но, едва Ланс снова потянулся к диагностическим заклинаниям, рявкнул: – Дома! Всё дома!

Мобиль рванулся с места, едва Ланс захлопнул дверцу. Полетел по улицам, отчаянно сигналя – горожане, прогуливавшиеся перед сном, еще не успели разбрестись по домам. Завтра все газетчики напишут, что лорд-канцлер, торопясь домой с заседания Совета, перепугал три десятка человек и задавил… Боги, о чем он только думает! Какая разница, что напишут газетчики, только бы дома все было в порядке! Нет, уже понятно, что дома все не в порядке. Только бы с девочками ничего не случилось!

Ворота особняка оказались распахнуты настежь, и, как Ланс ни старался, не смог обнаружить и следа охранных заклинаний. Мобиль остановился, не доехав до конца подъездной аллеи.

– Ждите здесь, – приказал водитель и вместе со вторым охранником выскользнул из мобиля.

– Этого я и боялся, – прошептал отец и снова потер гру-

дину.

Ланс потянулся к двери, но лорд-канцлер ухватил его за локоть.

– Не мешай парням работать. Я не меньше тебя волнуюсь за Лори. И за…

Его прервал вскрик. Этот голос Ланс узнал бы где угодно. Он словно провалился на пять лет назад – в тот день, когда он едва не потерял Грейс. Кабина мобиля обратилась вонючим подвалом, и на несколько мгновений он лишился способности соображать. Только ледяной кристалл в груди проткнул диафрагму, мешая дышать, да заколола кончики пальцев магия. Он сам не понял, как выскочил из мобиля. Что-то крикнул вслед отец, но Лансу было все равно.

Подъездная аллея. Дом, непривычно темный, лишь из окна второго этажа льется теплый свет.

Свет на миг мигнул, словно его что-то заслонило. Сгусток черноты обрушился на землю, и Ланс шарахнул огнем в этот сгусток— простым примитивным огнем, практически на чистой силе – он никогда не был искусен в боевых заклинаниях. Ослепляя, перед глазами заскакали разноцветные пятна.

Тьма заверещала, этот визг раскаленной иглой вонзился в уши, заставив Ланса застонать, сжать руками виски. В следующий миг он опомнился, но прежде, чем успел что-то сделать, из-за дерева вылетело заклинание, скрутило тьму в подобие гигантской амебы. Визг стал невыносимым, но сквозь него Ланс услышал… или не услышал, а ощутил неведомым

седьмым чувством – «Глория!» – и разом потерял интерес ко всем тварям на свете.

Лестница. Тело на полу, и одного взгляда на развороченную грудную клетку хватило, чтобы понять: не помочь. Дверь детской. Кровь. Грейс на коленях, на белой до синевы щеке кровавая полоса. Безвольно закинутая головка Лори. Кровь.

Отчаяние во взгляде.

Лори дернулась, хрипло вздохнула и расплакалась.

За окном кто-то вскрикнул:

– Шевелится! Держи!

Загудели, затрещали боевые заклинания.

– Ушел! Вот же живучая тварь!

Ланс рухнул на колени рядом с Грейс ровно для того, чтобы подхватить одной рукой – дочь, другой – оседающую без чувств жену.

*** 3 ***

– А потом маленький орчонок выглянул из норы и удивился, какой вокруг большой, белый и чистый мир. Он понял, что ночью пошел снег… – Тихий голос Ланса пробивался через пелену забытья.

Он, как обычно, читал Лори на ночь ее любимую сказку, «Зимние приключения Грызастика». Первые мгновения после пробуждения я бездумно плыла на волнах его спокойного голоса. Сквозь веки просачивался приглушенный розовый свет ночника.

«Снова Лори не спит…» – подумала я.

Лори! Дремота тут же слетела с меня. Воспоминания ударили под дых. Кровь на стенах, изуродованные тела, черные кожистые крылья твари… Я села на постели, глотая воздух и испуганно озираясь, готовая увидеть что угодно!

Перед глазами предстала мирная картина. Я находилась в нашей с Лансом спальне. Рядом на постели лежала бледная Глория, умытая, переодетая в свежую ночную рубашку. На шее белела повязка. Лори повернулась, неловко сдвинув ножку. Бедная моя девочка: магия скрепила кость, но ей все равно было больно.

Муж сидел рядом на краю кровати с книгой в руках. Увидев, что я очнулась, он мягко произнес, глядя мне в глаза:

– Все хорошо, любимая. У нас с Лори все в порядке.

«Я знаю, что ты боишься, – говорил его взгляд. – Но мы должны держаться и не показывать своего страха ради дочери».

– Привет, маленькая, – улыбнулась я нашей испуганной перебинтованной девочке.

– Мамуля, – сипло прошептала она: речь тяжело давалась ей после ранения.

Моя бедная малышка, для которой прежде самым большим потрясением была стесанная коленка, да и ту Ланс залечил в мгновение ока.

– Ш-ш-ш, не надо разговаривать, – ласково остановила я ее. – Мы рядом, мы не дадим тебя в обиду!

Ланс давно мог погрузить Лори в сон с помощью магии, но стал: мы всегда наблюдаем за пациентами после тяжелых ранений. Нужно, чтобы они как можно дольше оставались в сознании. Бывали случаи, когда из-за пережитого шока они вовсе не просыпались. Но, когда дело коснулось родной дочери, оказалось, что это невероятно трудно – смотреть в ее растерянные глаза и просто ждать, потому что все, что можно было сделать, мы сделали.

Я легла рядом, взяла ее за ручку, перебирала и гладила пальчики, слушая неровное хриплое дыхание. А Ланс продолжал читать сказку, не забывая, как всегда, говорить за орчонка басом, а за его подружку, белую мышку, – тоненьким голоском. Выдержка никогда не изменяла моему мужу. Лишь переворачивая листы, он случайно порвал страницу:

руки дрожали.

Глория дышала все спокойнее и в конце концов погрузилась в сон.

– Догнал… – чуть слышно пробормотала она сквозь забытье. – Я побежала… Он за ногу схватил…

У меня в глазах потемнело от ненависти к проклятой твари! Просто чудо, что наша малышка осталась жива!

Мы дождались, пока Лори глубоко уснет, Ланс закрыл книгу и положил ее на тумбочку. Я кинулась в его объятия и залилась беззвучными слезами. Муж гладил меня по волосам и целовал мокрые веки.

– Вы поймали эту… это?

Приходилось говорить вполголоса, хотя хотелось кричать.

Ланс качнул головой:

– Нет, к сожалению. Я думал, что добил его, но тварь оказалась слишком живучей – сбежала.

– Что это вообще такое?

Муж снова отрицательно покачал головой:

– Пока не знаю. Но это – пока. Отец поставил на уши городскую управу, мы докопаемся до истины. Нападение на семью лорда-канцлера никому с рук не сойдет.

В голове, будто пчелы, роились тысячи вопросов, я не знала, с чего начать.

– Твоя мама?..

– Все хорошо. Он не успел добраться до комнат родителей. Или не собирался.

Ланс, не выпуская меня из объятий, коротко рассказал обо всем, что было известно на этот момент. Чуть позже девяти вечера, когда слуги разошлись по комнатам, монна Даттон отправилась в свои покои и телохранители заняли обычные места, смертоносная тварь, похожая на гигантскую летучую мышь, ворвалась в особняк. По какой-то причине охранные заклятия и артефакты не остановили ее. Телохранители, дежурившие в левом крыле, бились до последнего, защищая нашу малышку, но тварь оказалась слишком сильна. Экхарт, начальник охраны, и няня почти одновременно отправили сигналы об опасности.

– Он погиб? – прошептала я.

– Они все погибли…

Я уткнулась лицом в грудь Ланса, вдыхая его родной запах, не в силах поверить, что все случилось на самом деле. Все эти парни, наша славная няня Клэри – мертвы!

– Это связано с теми письмами?

Примерно два месяца назад члены партии лорда-канцлера стали получать письма – дешевые конверты без опознавательных знаков, а внутри записка с коротким посланием: «Новый налоговый кодекс не должен быть утвержден. На кону жизнь ваших близких».

Сначала все решили, что это пустые угрозы. Но потом сын одного из членов Совета выпал из окна, а сына другого пырнули ножом в темном переулке, когда он возвращался из клуба. Жена третьего отравилась за ужином несвежей ры-

бой. По крайней мере, именно так заявили в газетах. Казалось, что эти смерти никак не связаны, но все же граф Даттон настоял, чтобы мы перебрались в их родовое имение.

И вот теперь это чудовищное нападение!

– Ланс, что же нам делать? – спросила я.

Давно я не чувствовала себя такой беспомощной. Как целитель я всегда знала, как действовать, и никогда не теряла присутствия духа. Но как бороться с тем, чего не понимаешь? И не представляешь, как защитить самое дорогое – дочь.

– Для начала – дождаться утра и постараться отдохнуть. Пока неизвестно, связано ли нападение с угрозами, и в ближайшее время тварь точно не вернется в дом.

Хорошее предложение – постараться отдохнуть. Только неосуществимое. Я не смогу сомкнуть глаз, слушая дыхание Лори и следя за каждым взмахом ее ресниц. Ланс, не раздеваясь, прилег на постель рядом с дочерью, а я примостилась с другой стороны. Мы налюбоваться не могли на наше сокровище. Такое, оказывается, хрупкое…

– Поспи, моя родная, я сам за ней пригляжу, – сказал муж.

– Не смогу, ты ведь знаешь…

Я взяла в руку маленькие теплые пальцы, а Ланс накрыл ладонью вторую ручку Глории. Она под защитой. Мы никому не позволим ее у нас отнять!

*** 4 ***

Сколько Ланс помнил свое детство, где-то неподалеку всегда маячили охранники. «У сильного политика много врагов», – говорил отец. Очень долго Ланс считал за доблесть удрать от охраны, чтобы вместе с мальчишками куда ниже себя по положению из «совершенно неподходящей компании» играть и проказничать без оглядки на взрослых.

А потом украли Чарли. Его родители были выскочками из простонародья – при их появлении старая знать кривила носы: ни родословной, ни воспитания, только и могут похвастаться, что туго набитой кубышкой. Похитители потребовали выкуп, и деньги они получили. Чарли больше никто не видел живым. Потом выяснилось, что его убили в первый же день после похищения.

Сколько бы Ланс ни твердил жене, что нападение может не быть связано с письмами, которые получили многие члены Совета, врать сам себе он никогда не умел. Когда-то деньги убили его друга. Сегодня политика едва не убила его дочь. Впрочем, нет, не политика. Все те же деньги: много веков подряд дворяне были свободны от налогов «за службу отечеству». В чем выражалась эта служба, все давно забыли, и по сути, чтобы не платить налоги, оказывалось достаточно дворянской грамоты. Новый налоговый кодекс, что сейчас слушался в Совете, должен был отменить эту привилегию.

Лори наконец перестала всхлипывать во сне, повернулась на бок, сложив ладошки под щечку. Грейс задышала размеренно и ровно. Ланс осторожно сел, подхватил дочь на руки. Но едва он поднялся с кровати, Грейс открыла глаза, вскинулась.

– Все хорошо, – прошептал ей он. – Отдохни.

Ей в самом деле нужно было отдохнуть после того, как она исчерпала магию едва ли не до смерти. Но именно Грейс спасла их дочь. Когда подоспел Ланс, делать было уже особо нечего: скрепить магией сломанную кость да влить силы в обеих.

– Репка проснется и испугается.

– Я побуду с ней. Отдыхай.

Грейс потянулась к застежке платья. Она так и не привыкла носить наряды, приличествующие знатной даме: наряды, справиться с которыми можно было только с помощью камеристки.

– Я на это не подписывалась, – вдруг тихо сказала жена.

Ланс поднял взгляд.

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь!

Лори заворочалась во сне, Ланс крепче обнял ее, качнул, баюкая. Лицо малышки снова разгладилось. Грейс, виновато охнув, закрыла рот ладонью, но так и не смогла справиться с собой. Зашептала быстро и бессвязно:

– Когда я за тебя выходила, думала, что готова ко всему. К

тому, что придется всему учиться, к насмешкам, к тому, что мы всегда будем на виду. Но не к тому, что однажды придут убивать моего ребенка.

В череде покушений не пострадал ни один член Совета. Только семьи. Тварь пришла за Грейс и Глорией. У Ланса мороз пробежал по спине при мысли, что было бы, если жена не задержалась в больнице. Она бы не отступила.

Взрослых тварь убила мгновенно, без церемоний. С ребенком захотела поиграть, точно кот с мышонком, – только это и спасло малышку.

– К этому невозможно быть готовым, – так же шепотом сказал Ланс.

Обойдя кровать, он сел рядом с женой, обнял ее одной рукой, пристроив дочь на коленях. Грейс ткнулась ему в плечо.

– Прости, я не то хотела…

– Я знаю. – Он коснулся губами ее виска. – Это говорила не ты, а страх за Лори. К такому невозможно приготовиться и с этим невозможно смириться. Вы уедете. Подальше отсюда.

– К моим? Они обрадуются. Мама пишет, что скучает по нашей репке.

– Нет. Куда-то, где вас не найдут. В какое-нибудь Троллье Болото или Заячий хвост.

Грейс тихонько хихикнула ему в плечо.

– Они в самом деле существуют?

– Понятия не имею, не в том суть. Куда-нибудь, где не бу-

дут знать, что Глория – внучка лорда-канцлера. Где ни одна тварь до вас не дотянется. Поживете, пока не найдут тех, кто ее подослал.

– А… ты?

– Я мужчина. Я не побегу.

Грейс заглянула ему в лицо и сникла, видимо, поняв, что спорить бесполезно.

Он снова поцеловал жену. Выйдя из комнаты, шагнул было к детской, но тут же спохватился: комнату отмыли, но железный запах крови, кажется, пропитал ее навсегда, потому детскую кроватку перенесли в одну из гостевых спален. Ланс опустил дочку на постель, сел на пол, прислонившись затылком к спинке кроватки.

В самом деле, так и надо поступить. Спрятать семью, а самому остаться рядом с родителями. Убийца не достиг цели в первый раз и может ударить снова, в этот раз – по матери. Ланс не был с ней особо близок, но все же мама есть мама.

Но отпускать девочек одних нельзя. Охранники привлекут внимание, значит, нужна телохранительница. Назовется сестрой или тетушкой и постоянно будет рядом, не вызывая подозрений.

Главное, продержаться несколько дней, пока Лори не окрепнет и пока люди отца не найдут телохранительницу – скрытно, не привлекая внимания. Впрочем, едва ли покушение повторится в ближайшие дни, так что у них есть на это время.

Дверь спальни открылась, Ланс вскинул голову и увидел стоящих на пороге родителей.

– Как она? – прошептала мама.

– Все хорошо, – в который раз за вечер повторил он, хотя сам себе не верил. – Раны я срастил, завтра заживут, кость восстановится в течение недели. На детях все заживает быстро.

Отец просветлел лицом, снова нахмурился.

– Пойдем поговорим.

– До утра не подождет? Не хочу оставлять Лори одну, вдруг проснется.

– Я посижу, – сказала мама. Шурша юбками, прошла в спальню, приставила стул к кроватке.

– Тебе записка от Коха. – Закрыв дверь, отец протянул ему лист бумаги. – Вы все же протащили этот закон. Стоило мне отвернуться… – Он с досадой махнул рукой.

Закон? Надо радоваться, наверное… Сейчас Лансу казалось, что слушания в Совете остались в другой жизни. Это пройдет, завтра он придет в себя.

– Вам нужно уехать. – Отец заглянул ему в лицо. – Вам троим. Я бы и Беллу с вами отослал, но она отказалась наотрез. – В его голосе прорезалось нечто похожее на восхищение. – Ты в нее пошел, вроде покладистый, а как что в голову взбредет – и меня переупрямишь.

– Да, девочкам надо уехать, – согласился Ланс. – Ты уже придумал куда?

– Девочкам?

– Я не побегу, – повторил он.

– Думаешь, только ты беспокоишься о семье, а я – старый бесчувственный чурбан? Сын у меня единственный.

– Думаю, что вам с мамой может понадобиться моя помощь.

– Твоей жене и дочери может понадобиться твоя помощь! – шепотом рявкнул отец. – А мне ты развяжешь руки!

Он сменил тему:

– Неделю, говоришь, лежать будет?

Ланс улыбнулся. Продержать неделю в постели непоседу Лори не под силу ни одному из богов.

– Нет, меньше, просто нужно будет подновлять заклинания и следить, чтобы Глория не переутомляла ногу.

– На руках донесешь, если что.

Ланс открыл было рот, но отец отмахнулся от него:

– Ладно. Утро вечера мудренее. Завтра решим.

*** 5 ***

Спустя два дня Глория почти поправилась. На шее белели два тонких шрама – почти незаметных, а со временем, когда Лори превратится в красивую девушку, их и вовсе будет не разглядеть. Дочь пока не бегала, ходила осторожно, с опаской наступая на ножку, а глазах нет-нет да мелькал страх. Тогда Лори замирала и сжималась, и я поскорее брала ее на руки, чтобы успокоить. Она почти ничего не помнила о том жутком дне, только обрывки, перемешанные с ночными кошмарами. Лори думала, что чудище выползло из-под кровати, потому что она капризничала и не хотела спать. Расспрашивать малышку о том, что произошло на самом деле, было бесполезно. Пришлось перенести детскую кроватку в нашу спальню: Глория постоянно просыпалась среди ночи и безутешно плакала.

Но в остальном Глория была все той же любознательной и доверчивой малышкой. Забывшись, она смеялась, иногда принималась болтать без умолку, играла с куклами и устраивала чаепития, на которые обычно был приглашен и лорд-канцлер.

Он восседал на детском стульчике, прямой и строгий, и чопорно пил чай с соблюдением всех приличествующих случаю правил. А с Глорией обходился как с маленькой леди. Впрочем, она ведь и была леди. Маленькая графиня. Она

старательно поддерживала беседу, вела себя как настоящая хозяюшка. Личико при этом у нее было такое серьезное и одновременно забавное. Отец Ланса и сам едва сдерживал улыбку, а в глазах, когда он смотрел на внучку, светилось столько нежности! Кто бы мог подумать, что тот затянутый в форменный камзол сухарь, каким он предстал передо мной в нашу первую встречу, на самом деле окажется таким заботливым дедом.

Ланс меж тем занялся подготовкой нашего отъезда. Раньше времени он не посвящал меня в подробности, а я и не выспрашивала. Пока ничего не знаешь точно, можно представить, что в запасе еще долгие-долгие дни вместе.

Ланс прав: в небольшом городке, где никто не знает, кто мы такие, нам с Лори будет безопасно. Ланс останется, чтобы искать убийцу. Останется, потому что мужчина. Он так твердо сказал об этом, что я поняла: спорить бессмысленно. Но от одной мысли о разлуке сердце стягивалось в узел.

В один из вечеров, уложив Лори спать, я вышла в соседнюю комнату, где Ланс оборудовал кабинет. Муж просматривал какие-то бумаги. Одна из них – доверенность в банк на предъявителя. Думаю, Ланс готовил нам документы. Мы с Лори ни в чем не будем знать нужды в том маленьком, пока неведомом мне городке.

А хорошо бы вернуться в Свиное Копытце! Больница под руководством Белинды процветала. Мы время от времени отправляли друг другу письма: я рассказывала о Лори, о соб-

ственной медицинской практике, она – о наших общих знакомых…

Нет, и мечтать не стоит: Ланс не отправит нас туда, где недоброжелатели станут искать прежде всего.

Я подошла к Лансу, обняла за плечи и уткнулась в макушку, он, не отрываясь от бумаг, погладил меня по предплечью. Все эти дни я старалась быть сильной, держалась и не позволяла себе раскисать. Лори видела спокойных и уравновешенных родителей. Но сейчас дочь спит…

– Ланс, поехали с нами, – выдохнула я в его волосы, которые пахли кофе и немного мелиссой и мятой: он готовил успокаивающие капли для матери.

Я почувствовала, как напряглись его плечи.

– Как же я без тебя! Как же Лори без тебя!

Мне сразу стало стыдно за этот запрещенный прием – нельзя прикрываться дочерью, но слова сами сорвались с языка. Ланс поймал мою руку и перетянул меня к себе на колени, взял мое лицо в ладони и посмотрел в глаза. Взгляд у него был уставший и невеселый.

– Грейс, ты взрослая девочка. Ты позаботишься о нашей дочери. А я позабочусь о том, чтобы вы как можно скорее смогли вернуться домой, – тихо, но уверенно сказал он.

Я проглотила комок, застрявший в горле. Вымучила улыбку.

– Ладно. Пойду спать.

Сумела произнести эти три слова, не сорвавшись в слезы.

Могу себя похвалить.

Я вернулась в спальню, поправила одеяло на Глории, легла и свернулась калачиком. В комнате было тепло – последние летние дни выдались на удивление жаркими, но меня трясло, как в лихорадке.

Спустя несколько минут в комнату зашел Ланс, прикрыл дверь, чтобы свет, падающий из коридора, не разбудил нашу дочь, на ощупь нашел губами мои губы. Наши тела всегда лучше умели договариваться, но сейчас мне было слишком грустно.

– Я устала, Ланс, – прошептала я.

«Что же я делаю? Зачем отталкиваю его? Кто знает, когда нам в следующий раз удастся побыть наедине? Может быть, придется уехать уже завтра…»

Ланс легонько коснулся поцелуем щеки.

– Отдыхай, родная.

Какой уж тут отдых! Едва Ланс вышел за порог, как я разревелась в подушку.

*** 6 ***

Через день стало совершенно ясно, что отъезд неминуем. Мы скрывали от Лори приготовления, но дочь чувствовала, что взрослые взвинчены. Переживала. Ее было не оторвать от нас с Лансом, она то цеплялась за мое платье, то не слезала с коленей отца, будто снова превратилась в малышку, а ведь Глории уже исполнилось четыре года.

Было решено, что в день отъезда мы выйдем из дома налегке, а багаж заберем в трактире. Там же, в номере, переоденемся в простые платья городских жительниц и встретимся с госпожой Нериной, нашей телохранительницей. Госпожа Нерина отныне станет представляться моей тетушкой. По возрасту она как раз подходила и выглядела добродушной, полноватой дамой. Никто и не подумает, что на самом деле она сильный боевой маг.

Она приходила познакомиться со мной и Глорией, чтобы дочь не испугалась чужого человека, когда придет время отправляться в дорогу.

– Здравствуй, я твоя тетя Отавия, – приветливо сообщила она, присев на корточки рядом с Лори. – Хоть ты раньше меня никогда и не видела. Вернее, твоя двоюродная бабушка, но ты можешь звать меня просто тетя Тави.

Лори недоуменно оглянулась на меня, я улыбнулась и кивнула. Глории нельзя знать правду: малышка невольно может

выдать нас.

Почти каждый час в имение кто-то приходил. Дознаватели из городской управы. Члены совета к лорду-канцлеру за правками закона о налоговом кодексе: свекор теперь работал, не выходя из дома. Курьеры с документами.

Одного из них Ланс особенно ждал. Через третьи лица он приобрел дом в небольшом городке на границе королевства. Городок называется Змеиная Гора. Надеюсь, там на самом деле не водятся змеи. Хотя местность на западе действительно гористая.

Когда принесут документы, нас ничто больше не будет держать в столице.

Я и хотела, чтобы это случилось поскорее, ибо ожидание выматывало, и в то же время радовалась каждому вечеру, проведенному рядом с Лансом.

Так получилось, что я находилась поблизости, когда дворецкий открыл дверь курьеру, худощавому мужчине невысокого роста. Я даже сначала даже приняла за мальчика. Он с поклоном протянул мне запечатанный конверт и застыл под бдительным взглядом охранников, стоящих на входе.

– Я позову мужа, – сказала я, решив, что Ланс захочет уточнить какие-то подробности.

Курьер кивнул, распрямился, поморщившись: у него явно болела спина. Я уже было развернулась, но целитель во мне не мог просто уйти.

– Вам нужна медицинская помощь?

Курьер виновато улыбнулся и потер бок.

– Нет-нет, ничего страшного, я немного застудил спину, но целитель уже выписал мне притирания. Благодарю за заботу, монна Даттон.

Пока мы разговаривали, слуга доложил Лансу о посетителе. Муж перекинулся с курьером парой слов, забрал конверт.

Повернулся ко мне и сказал с деланой бодростью:

– Вот и все. Можно ехать.

– Сегодня? – спросила я с упавшим сердцем.

Ланс обнял меня, было видно, что ему тоже непросто, но решение принято, назад дороги нет.

– Сегодня. Все готово. Госпожа Нерина давно ждет в комнатах трактира с вещами. Билеты на поезд с открытой датой куплены. Собирай Лори.

Я заставила себя улыбнуться.

– Хорошо.

Мы предупредили Глорию, что нам нужно будет уехать вместе с тетей Тави в другой город. Ненадолго. Зачем? А чтобы как следует вылечить твою ножку. Ты там обязательно найдешь друзей, отдохнешь и перестанешь просыпаться по ночам. Нет, папа не сможет поехать. Конечно, папочка тебя очень любит. Мы скоро вернемся к нему. Нет, нарядное новое платье взять нельзя, но ты можешь забрать с собой любую игрушку.

Лори не спорила. Она всегда была послушной девочкой.

– Мы поедем в путешествие, – сообщила она своей люби-

мой кукле, нарядив ее в дорожное платьице. – Мама говорит, что теперь я не Глория Даттон, а Глория Мон. Легко запомнить, правда? А ты теперь не Вероника, а Катарина. Повтори!

Родители Ланса попрощались со внучкой дома: никто не должен был видеть нас вместе. Бабушка дала тысячу наставлений, как нужно вести себя благоразумным девочкам, а потом, не сдержав чувств, прижала малышку к груди. Граф Даттон подхватил Глорию на руки, расцеловал в щечки.

– Будь умницей, Репка, слушайся маму.

Всю дорогу до трактира мы молчали. На Лансе лица не было, я ловила его взгляды то на себе, то на дочери. Он сжимал губы, качал головой – будто вел внутри себя неслышный спор.

В трактир «Бараний рог» зашла аристократка с нарядно одетой девочкой, а вышли три простолюдинки. Рослая женщина в теле шла впереди, молодая женщина несла объемный саквояж и корзину, малышка в светлом ситцевом платье брела, опустив голову, держа за ручку куклу.

Ланс остался на другом конце улицы. Он не заходил в трактир. Мы договорились, что он попрощается с нами здесь, не пойдет на вокзал, чтобы не привлекать подозрений. Ланс присел на стул напротив чистильщика обуви: тот удачно расположился на углу.

– Идем, Лори, идем, – тихо позвала я дочь.

Но Глория в растерянности все оборачивалась на Ланса.

– Почему папуля не с нами? – спросила она и захныкала.

Я присела рядом.

– Так нужно, Репка.

Мы прошли еще несколько шагов. Я не выдержала и тоже оглянулась. Ланс сидел, весь подавшись вперед, будто хотел оставаться рядом как можно дальше. Сопровождать нас хотя бы взглядом.

Мы расположились в вагоне третьего класса. Мне не привыкать ездить на жестких полках. Пассажиры толкались, размещали в сетках и в проходах многочисленные баулы. Глория втиснулась в угол, к окну, прижала к себе Катарину. Госпожа Нерина села напротив, бдительно оглядев соседей.

Скоро раздастся свисток, и поезд умчит нас в новую жизнь. Я запрещала себе думать о Лансе. Стоит представить, что теперь я увижу его нескоро, как слезы потекут сами собой.

Лори прижалась носом к стеклу.

– Папа… – прошептала она.

– Папа не придет, маленькая. Папа очень занят…

– Папуля! – крикнула дочь, застучала руками по окну.

Раздался свисток кондуктора, я посадила дочь на колени, крепко обняла.

С шумом вырвался пар, загремели, залязгали колеса. Поезд дернулся и медленно тронулся. Я откинулась на жесткую спинку скамейки и закрыла глаза. Я взрослая сильная девочка. Я справлюсь.

– Папа! – встрепенулась Глория.

– Ш-ш-ш, тихо, папа не…

– Грейс, – раздался любимый голос.

Я вздрогнула и распахнула глаза. В проходе стоял Ланс. Взъерошенный, с вспотевшими от быстрого бега волосами, в расстегнутом сюртуке.

– Не смог… вас отпустить… – выговорил он, тяжело дыша.

– Папа! – пискнула Лори.

Муж подхватил дочь на руки, поглядел виновато поверх ее макушки.

– Хорошо, что я бегаю по утрам, – сказал он, улыбнувшись.

– Да уж, – фыркнула я.

А самой хотелось, как Лори, пищать от радости. Мы вместе! Теперь все точно пойдет на лад!

*** 7 ***

Не дожидаясь, пока подойдет кондуктор требовать билет, Ланс направился к начальнику поезда. Гоблин средних лет смерил его взглядом.

– Что угодно, мэтр?

– Господин, – поправил его Ланс. – Гоподин Мон.

– Господил Джолк, к вашим услугам, – склонил голову гоблин. – Так что вы хотели, господин… – пауза после этого слова была чуть длиннее, чем нужно, – Мон.

– Видите ли, я так торопился, что забыл бумажник. – Ланс обезоруживающе улыбнулся. – Ни билета, ни ассигнаций, ни чековой книжки. Очень неловко получилось.

У Грейс в несессере была совсем небольшая сумма – только на разные мелочи в дорогу. Пассажиры третьего класса не возят при себе пухлые бумажники с наличными. А сам Ланс, выходя из дома, прихватил лишь несколько мелких монет: вдруг придется расплатиться с извозчиком. Люди его круга берут чековую книжку или ассигнации лишь туда, где играют. Лавочник, или портниха или… да кто угодно, запишут покупку и в конце месяца вышлют счет. Но даже если бы у него была с собой чековая книжка, выписать чек – все равно что написать на поезде огромными буквами: «Здесь был Ланселот Даттон».

– В самом деле неловко вышло, – согласился гоблин. –

Особенно неловко будет высаживать такого обходительного господина на ближайшей станции.

– Неужели ничего нельзя сделать? – Ланс снял с пальца перстень.

– Что вы, безвыходных ситуаций не бывает. – Гоблин извлек из стенного шкафчика блокнот и ручку с чернильницей. – Соседний вагон к голове поезда – второго класса, отдадите записку кондуктору. В первом осталось свободным только служебное купе. – Он многозначительно улыбнулся.

Ланс мысленно хмыкнул: за перстень, что он положил на стол, можно было выкупить три купе первого класса. Впрочем, в ломбарде настоящую цену за него не дадут…

– Мне нужен третий класс, благодарю, – сказал он.

Брови гоблина взлетели на лоб.

– Гм. Ну если вы так желаете.

– Пятый вагон, пожалуйста.

Гоблин зачиркал пером по бумаге. Поднял голову.

– Уж простите меня за прямоту, господин Мон, но в вагоне третьего класса вы будете, как павлин среди воробьев.

А ведь гоблин прав. Когда Ланс влетал в поезд, ему было не до того, но по пути к начальнику он несколько раз ловил на себе удивленные взгляды. Пассажирам первого класса нечего делать рядом с чернью.

– Понимаю, – протянул Ланс.

– Есть у меня один кондуктор, здоровый парень, прямо как вы. Думаю, он своим сюртуком поделится, если его как

следует попросить.

Ланс отстегнул брелок от цепочки с часами, положил на стол.

– Сейчас схожу, подождите немного, – выбрался из-за стола гоблин.

– Вы позволите воспользоваться письменным прибором?

– Конечно.

Ланс обмакнул ручку в чернильницу, замер, задумавшись. Нужные слова не шли на ум. Отец обрадуется, узнав, что он уехал. Все дни, прошедшие с покушения, он не уставал твердить, что покинуть столицу должны все трое. Что лорду-канцлеру хватает забот и без того, чтобы беспокоиться за упрямого отпрыска. Но не эти слова заставили Ланса забыть обо всем, а взгляд дочери. Можно сколько угодно твердить себе, что госпожа Нерина – опытный боевой маг и сможет защитить девочек куда лучше, чем он сам, которому никогда толком не давались боевые заклинания. Можно вспомнить еще много-много правильных слов. Но все они меркли перед одной мыслью: что-то случится, а его рядом не будет.

«Здравствуй, папа! Я последовал твоему совету. Если что, ты знаешь, где нас искать».

Наколдовав пламя на кончике пальца, Ланс растопил край сургуча, запечатав письмо, подтянул к себе еще один лист, написал и запечатал долговую расписку.

Осталось последнее.

«Здравствуй, Карина! Прости, что обращаюсь к тебе за

помощью, но так получилось, что я не могу написать сейчас тем, с кем мгновенно свяжут мое имя. Прилагаю долговую расписку, пожалуйста, передай тому, кто принесет это письмо, указанную в ней сумму в обмен на перстень с агатом и брелок с моей монограммой».

Будет лучше, если эти вещи не всплывут в ломбарде. Незачем оставлять дополнительные ниточки, способные к нему привести.

«Расписку передай лорду-канцлеру, он расплатится».

Вовсе незачем ходить в должниках у женщины. Ланс бы и сейчас не стал обращаться к Карине, если бы не был уверен: обнаружив, что его семья исчезла, те, кто послал тварь, в первую очередь пройдут с расспросами по его друзьям. Расспросами не в лоб – все ограничится мимолетным, вроде бы ничего не значащим любопытством за приятельским разговором. Но едва ли они явятся к Карине. Отношения между ними оставались не слишком теплыми, а после того как она вышла замуж, и вовсе ограничивались редкими деловыми встречами – Карина сама начала избегать общения. По слухам, муж отчаянно ревновал ее к несостоявшемуся жениху.

«Спасибо за помощь и еще раз прости за беспокойство».

Он завернул в это письмо два остальных, запечатал и его. Протянул получившийся пакет вернувшемуся гоблину.

– Господин Джолк, вам не дадут настоящей цены за мои вещи, а я хотел бы их сохранить. В этом пакете – письмо и

долговая расписка. – Он назвал сумму, и гоблин изумленно моргнул. – Отнесете ее монне Рэндом вместе с перстнем и брелоками, она с вами расплатится.

Позволяя мужу ревновать, Карина одновременно держала в руках все финансы семьи, ведя хозяйство железной рукой и с такой же дотошностью, как когда-то инспектировала больницы.

– Спасибо, господин Мон. – Гоблин забрал конверт и протянул Лансу сюртук с заплатами на локтях. – Вот, извольте.

Ланс отстегнул от жилета часы, спрятав в карман вместе с цепочкой, свернул сюртук и жилет подкладкой наружу.

Новый-старый сюртук оказался маловат и нещадно жал под мышками.

«Привыкай, господин Мон, – про себя усмехнулся Ланс. – Скромные горожане вроде тебя не шьют одежду у лучших столичных портных».

*** 8 ***

Перрона на станции не оказалось. Ланс спрыгнул с подножки на утоптанную в камень землю, подал руку, помогая спуститься жене. Грейс сняла с поезда Лори. Госпожа Нерина, кряхтя, сползла по ступенькам, одной рукой тяжело опираясь на Ланса, другой поддерживая юбки. Взвизгнула, когда вагон тронулся, и кубарем скатилась на землю, едва не уронив Ланса.

Странно, до сих пор опытная телохранительница вела себя совсем не так. Он огляделся. Вокзала тоже не было, лишь ярдах в десяти от них стоял деревянный навес, за которым на лугу паслось с десяток коров. Под навесом жевал травинку старик. Вот, значит, для кого предназначалось это представление.

Ланс одернул сюртук. Вчера, увидев его в «обновке», Грейс ахнула: «На кого ты похож!» Не слушая возражений, заставила его раздеться до рубахи, вытащила из саквояжа мешочек, откуда извлекла иголку, нитки и маленькие ножницы. Ланс попытался возражать: нечего портить глаза в качающемся поезде, но жена осталась непреклонна.

– Одеваться небогато – не означает ходить пугалом, – заявила она, подпарывая подкладку сюртука.

До сих пор Ланс был уверен, что любимое рукоделие его жены – филигранно выполненные хирургические швы. Так

оно и было в какой-то степени: Грейс предпочитала проводить досуг за книгами или с Лори. Но она все еще оставалась дочерью владельцев швейной лавки. Когда сюртук вернулся к Лансу, он перестал трещать на плечах и врезаться в подмышки, а пуговицы – расходиться на груди. Правда, все равно сидеть идеально не стал, но незачем требовать невозможного.

Ланс снова одернул полы, прежде чем подхватить вещи. Грейс заметила этот жест.

– Как только немного обживемся, куплю недорогую ткань, и пошьем тебе одежду взамен этого безобразия.

– Вовсе незачем, – запротестовал он.

– А чем мне еще заняться? – пожала она плечами. – Лори! Лори, иди сюда!

– Пусть малышка побегает, – вмешалась госпожа Нерина. – Засиделась, бедняжка.

Ланс и сам был готов заскакать то на одной, то на другой ноге вокруг остальных, как дочь. После суток, проведенных сидя на жесткой скамье поезда, ему казалось, будто зад принял форму лавки, а в спину воткнули кол. Недосып не улучшал ни самочувствия, ни настроения: Лори благополучно проспала ночь, свернувшись на коленях родителей, госпожа Нерина, кажется, могла спать где угодно и как угодно, а вот им с Грейс пришлось несладко. Под глазами у жены залегли тени, двигалась она напряженно и скованно: тоже, видно, отсидела себе все на свете.

– Коровки! – воскликнула Глория и понеслась к лугу.

Госпожа Нерина стремительным движением ухватила ее за юбку.

– Дай ручку, пойдем посмотрим вместе. – Она мотнула головой в сторону домов, стоявших за лугом. – Идите, мы вас догоним. Здесь все равно негде потеряться.

Ланс снова огляделся. За их спиной к горизонту уходили железнодорожные пути, разрезавшие луг на две части. Ярдах в двухстах за путями и лугом зеленела стена леса. По эту сторону от путей через луг к городу вела вытоптанная в траве дорога. Над деревянными срубами и крышами из дранки возвышались каменные дома, один, кажется, даже в три этажа, а дальше горизонт заслоняла гора, на бурых каменных склонах кое-где зеленели трава и кусты.

Они двинулись к городу, оставив за спиной стадо.

– Это и есть Змеиная гора? – поинтересовалась Грейс, щурясь против солнца.

– Наверное.

Ланс оглянулся на дробный топот. Бросив вещи, подхватил летящую со всех маленьких ножек Лори. Малышка завизжала, когда он поднял ее над головой, закружив.

– Еще, папуля, еще!

– Хватит, Репка, – вмешалась Грейс. – Папа устал.

– Ничего. Мы все устали.

Он завертел головой, выискивая таблички с названием улиц, но, даже если такие и были, разглядеть их сквозь гу-

стую зелень палисадников, окружавших дома, не получилось.

За спиной раздался истошный визг, Ланс подпрыгнул, потянулся к магии. Из переулка с диким верещанием выскочила свинья, на спине которой, держась за уши, висел гоблиненок. Рядом, подтявкивая и норовя куснуть свинью за окорок, бежал волчонок. Следом пролетела стайка ребятишек, вопя не хуже свиньи. Лори взвизгнула и рванулась за ними, но ее снова изловила за юбку госпожа Нерина.

– Похоже, малышке здесь нравится, – улыбнулась она.

«Хоть кому-то здесь нравится», – подумал Ланс.

Не совершил ли он ошибку, отправив семью в этакую глушь? В сравнении со Змеиной Горой даже Свиное Копытце казалось бурным мегаполисом.

– Мне тоже здесь нравится, – сказала Грейс. – Тихо.

Опровергая ее слова, ватага ребятишек, уже без свиньи, с воплями пронеслась в обратную сторону. Старший, человеческий мальчишка лет семи, босой, в прорванных на коленях штанах, остановился, с любопытством разглядывая незнакомых.

– Скажи, где здесь Солнечный переулок? – спросил у него Ланс.

– Пойдемте, я покажу. – важно сказал он. Двинулся поначалу неторопливо, словно пытаясь добавить себе солидности, но через пару минут сбился, заскакал вприпрыжку.

Они миновали центр городка. На трехэтажном доме об-

наружилась табличка «пожарная часть», на соседнем доме – «мэрия», а рядом «универсальный магазин госпожи Рауш». Ланс невольно улыбнулся, вспомнив залитые магическими огнями галереи столичного универсального магазина.

– А вы откуда? – полюбопытствовал мальчик.

– Из Свиного Копытца, – ответил Ланс.

Было видно, что название ничего ему не сказало, но он кивнул с важным видом.

– Надолго к вам?

– Как получится.

– Мэтр Грин тоже так говорит.

– Мэтр Грин? – переспросила госпожа Нерина.

– Он настоящий боевой маг из столицы! – В голосе мальчугана прорезался неподдельный восторг. – На околице дуб стоял сухой, его молния разбила, так он руками так сделал, – мальчик выпрямился, придал чумазой мордашке важное выражение и повел руками, показывая «как», – и дуб на куски – бац! Мы его на дрова разобрали, – добавил он уже спокойнее.

Ланс переглянулся с госпожой Нериной.

– А давно он здесь? – спросила она.

– Так два дня как приехал. Говорит, – мальчик изменил голос, точно подражая кому-то, – устал на старости лет от городского шума. Бабка-то с дедом его отсюда были, – добавил он нормальным тоном и снова заскрипел: – Решил вот посмотреть, какая она, его родина.

Таких совпадений не бывает. Взгляд, который бросила на него Грейс, говорил то же самое. Она подхватила на руки Лори, обняла ее, снова посмотрела поверх плеча дочери на Ланса.

Или бывает?

*** 9 ***

– В самом деле? – делано-небрежно спросил Ланс. – Он местный?

В таких городках все всех знают, всех помнят и правнуку поставят на вид грехи прабабки.

– Да, старая Ула говорит, что в один год с его дедом родилась. А дочь его, матушка, значит, мэтра Грина, с проезжим гусаром сбежала, тьфу!

Грин… Среди столичных аристократических родов такой фамилии не было, но «маг из столицы» не значит «родившийся в столице». Тот гусар – если он, конечно, существовал – вполне мог быть провинциальным дворянчиком, но девушке из этакой глуши показаться настоящим принцем.

– Госпожа Ула, наверное, всех здесь с пеленок знает, – вмешалась госпожа Нерина.

– Да какая ж она «госпожа», – хихикнул мальчишка. – Но что правда, то правда. Как заведет про былые времена, так не знаешь, куда бежать.

Надо с ней познакомиться, да осторожно порасспросить про матушку этого Грина. Как ее звали, интересно?

– А вот и Солнечный переулок. Вам надо вон туда, где розы, – сказал мальчик.

Как Ланс ни вглядывался за крепкий штакетник, разглядеть розы среди буйной зелени между яблонями и вишнями

не смог.

– Горсы в том году уехали, – добавил малец. – В остальных живут.

Госпожа Нерина, передав ручку Лори Грейс, сняла с калитки проволочное кольцо, прошла по дорожке.

– Все правильно, Солнечный переулок, дом пять. Здесь табличка, – сказала она.

– Какой же пятый, когда третий, – уперся малец. – Раз, два, третий.

– А ты умеешь читать? – спросил Ланс.

– А зачем мне это? – пожал плечами мальчишка. – Ну ладно, я побежал.

– Погоди. – Ланс протянул ему медную монетку. – Спасибо.

– Не обижайте, – нахмурился мальчишка. – Дед говорит: ты поможешь, потом тебе помогут.

– Я не хотел тебя обидеть. Купи в лавке конфет, угости друзей.

– Хорошо. – Малец отступил на шаг. Повернулся к Лори. – Тебя как зовут? Гулять пойдешь?

– Сегодня Глории надо отдохнуть с дороги, – сказала Грейс.

– Я не устала! – топнула ножкой Лори и надулась.

– А завтра посмотрим, – закончила Грейс.

– Тогда до завтра, Глория. – Мальчишка умчался.

– Не думаю, что мы сможем удержать малышку дома, –

задумчиво произнесла госпожа Нерина, глядя ему вслед.

Ланс тоже так не думал.

– Придется ее заботливой полусумасшедшей тетушке вспомнить искусство отвода глаз. – Телохранительница улыбнулась. – Подождите здесь, пока я осмотрю дом.

Дверь оказалась не заперта, а внутри, слава богам, был относительный порядок. Даже если соседи и взяли какие-то мелочи, больше не нужные хозяевам, оставшегося в доме вполне хватало для жизни.

Пространство внутри сруба делили на комнатки дощатые перегородки, обитые домотканными половиками. В двух комнатах обнаружились широкие, грубо, но добротно сколоченные кровати: похоже, на одной спали супруги, а на второй дети – вповалку, как водилось в бедных семьях. На кухне стоял такой же грубый, но основательный стол, печь светилась белеными боками. В буфете нашлась посуда, на веранде – бочка для воды, а в дальней комнатушке обнаружились разномастные тазы и деревянные шайки.

Оставив вещи, Грейс отправилась искать лавки, госпожа Нерина вышла с Глорией погулять в огороде, а Ланс взял коромысло, ведра и двинулся к колодцу.

«Да уж, это тебе не водные артефакты», – мысленно усмехнулся он, взгромождая шаткую конструкцию на плечо. Коромысло вертелось, и, прежде чем Ланс понял, как держать равновесие, облился с головы до ног под хихиканье девчонок, выглядывающих из-за забора.

Весь остаток дня Грейс мыла, скребла, оттирала, а Ланс сбился со счету, сколько ведер он принес. Лори же, наскоро обследовав дом, изучала сад, и ее едва удалось заставить ненадолго вернуться и поесть. Госпожа Нерина вечером принесла ее, спящую, на руках, и малышка не проснулась, когда ее раздевали и укладывали в кровать. Телохранительница постелила себе на полу. Грейс предложила забрать дочь в другую спальню, чтобы освободить кровать, но госпожа Нерина только улыбнулась.

– Вспомню молодость. К тому же на моих нынешних формах спать куда мягче, чем на тех мослах, что у меня были тогда.

Ланс думал, что физическая усталость сморит его, как дочь, но сон не шел. Правильно ли он поступил, что привез сюда семью? В такой глуши и целителя-то наверняка нет, разве что знахарь найдется. Конечно, они с Грейс сильные маги, но не всемогущие. Что, если они где-то наследили и их найдут? Бежать за помощью будет некуда. Что, если, пока он тут, доберутся до родителей?

– Спишь? – шепнула жена.

Он покачал головой. Развернулся к ней, и Грейс потянулась к нему навстречу, прильнула всем телом, ткнувшись лицом в грудь. Дыхание теплом скользнуло по коже. Ланс обнял жену, словно мог загородить так от всего мира, замер.

– Я тоже не могу уснуть, – шепнула она ему в шею. – Здесь так тихо и так темно. Оказывается, я отвыкла.

Здесь в самом деле было слишком тихо – в столице уличный шум слышен даже ночью.

– Открыть ставни? – Ланс коснулся губами ее волос. – Луна сойдет за уличные фонари.

– Нет. Я привыкну. Просто… Хорошо, что ты здесь.

Он прижал жену крепче, зарылся носом в волосы, вдыхая такой родной запах.

– Я тоже рад, что я здесь, – сказал он и понял, что это правда.

Губы Грейс коснулись его ключицы, совсем легко, точно случайно. Еще один невесомый поцелуй. Ланс улыбнулся. Ладонь сама спустилась, безошибочно найдя округлое бедро.

– Ты рискуешь, жена, – шепнул он, прижимая ее к себе там, где уже пробуждалось желание.

Она тихонько хихикнула, медленно, дразня, провела языком вдоль мышцы на шее. Ланс коснулся губами ее лба, кончика носа. Грейс взяла его лицо в ладони, и тихая нежность затопила его. Он приник к губам жены, делясь этой нежностью, и ответное касание губ согрело Ланса. Поцелуй длился и длился, и оба не торопились его разрывать.

Ланс пробрался ладонями ей под сорочку, едва касаясь, скользнул пальцами вдоль позвоночника, и Грейс выгнулась, еле слышно застонав. Ойкнув, закрыла рот ладонью. Ланс отнял ее руку, обвел языком подушечки пальцев, одну за другой, вслушиваясь в неровное дыхание. Она всегда была та-

кой чувствительной, его девочка, и рождение дочери только усилило страсть, что была между ними.

Он потянул сорочку, освобождая жену от разделявшей их ткани, опрокинув на спину, прильнул к груди. Грейс заметалась, пальцы ее впились в его плечи.

Ланс не торопился. Он знал ее тело, как скрипач знает звук любимого инструмента. Спустился к низу живота, целуя, прикусывая, скользя языком, и неровные вздохи, тихие стоны отзывались в нем вспышками желания. Он коснулся губами нежной кожи бедра рядом с самым сокровенным местом. Грейс задрожала, всхлипнув, и эта дрожь словно передалась ему, пробежав током по нервам.

– Иди сюда, моя хорошая, – прошептал он, накрывая жену своим телом.

Она, ахнув, качнулась навстречу, еще и еще, ткнулась лицом в его грудь, глуша стоны, и Ланс сгреб подушки ей под голову, подложил предплечье под затылок. Толкнулся еще и еще, понесся в древнем, как мир, ритме, пока Грейс не застонала протяжно, сжимаясь вокруг него, пока он сам не вжался в нее, изливаясь.

– Все будет хорошо, родная, – прошептал он, когда Грейс снова прильнула к нему, обнимая. – Все непременно будет хорошо.

*** 10 ***

Как оказалось, к новому месту труднее всего привыкал Ланс. Лори нисколько не переживала из-за перемен, случившихся в ее жизни. Маленькие дети счастливы где угодно, если рядом с ними родители. Госпожа Нерина привыкла к трудностям. Я сама выросла в небольшом городке, чем-то напоминающем Змеиную Гору, с детства умывалась холодной водой, принесенной из колодца, а стирала в большом тазу. Ланс же вырос в совсем других условиях. И, хотя он прожил потом шесть лет в Свином Копытце, ему никогда прежде не приходилось задумываться о быте.

Когда он первый раз принес воду, мокрый с ног до головы, я едва удержалась, чтобы не прыснуть. Но он быстро приноровился. А когда, закатав рукава, помогал мне отодвигать кровати, под которыми скопилась пыль, уже совсем освоился.

Я сама волновалась: что нас ждет на новом месте? Мэтр Грин, боевой маг, внезапно прибывший из столицы, тоже вызывал подозрения. Не по нашу ли душу явился? Хотя о том, куда мы отправились, знал очень узкий круг людей, которым можно доверять, так что, скорее всего, обычное совпадение. Мы решили познакомиться с ним позже, когда обживемся. Да и к соседям надо приглядеться. Нам с ними жить бок о бок. Сколько? Никому не известно.

Я надеялась, что в столице очень скоро разберутся с покушениями и мы сможем вернуться. Пришлось временно передать своих пациентов мэтру Ивену, он отличный целитель. Я вздохнула, думая об этом. Я стану скучать без медицинской практики.

Ланс еще до отъезда взял с меня слово молчать, что я целитель. Любой целитель всегда на виду. Мы договорились сообщать всем, что вывезли дочь в провинцию, потому что в столице она часто болела. Накопили денег да и рванули туда, где воздух чище и здоровее. Глядишь, и растянем накопления до весны.

Первой эту легенду услышала та самая Ула, заявившаяся к нам с утра пораньше. Мальчишка, рассказывая про нее, не упомянул, что она гоблинка. Она со свойственной этой расе бесцеремонностью впихнула в руки Ланса пирог и просочилась в дом. Огляделась с начальственным видом.

– Смотрю, твоя хозяюшка знает дело: чисто стало, красиво. А то Лидия-то дом совсем запустила. Но оно и понятно, трудно справляться, когда пятеро волчат на шее висят. Меня Ула зовут.

– Ла… – начал Ланс и осекся: имя Ланселот яснее звезды во лбу указывало на знатное происхождение. – Ласло. Ласло Мон.

Я сжала губы, чтобы не рассмеяться: выкрутился, молодец. Могу продолжать звать его Лансом при свидетелях, но при этом не вызвать подозрений.

После того как Ула услышала нашу историю, можно не сомневаться, что к вечеру половина жителей городка будет знать, кто мы такие, откуда и зачем явились в Змеиную Гору.

Лори, едва проснувшись, стала проситься погулять. В ее возрасте я сама носилась по улицам с ватагой друзей, а каждый сосед мог и приглядеть, и воды налить, когда нужно. Но как страшно отпустить свою девочку одну! И дома держать неправильно.

– Не волнуйтесь, – успокоила меня госпожа Нерина. – Она будет играть под моим присмотром. Меня, конечно, никто не увидит: искусство отвода глаз я давно не использовала, но прежде оно неплохо мне давалось.

– Замечательно! – выдохнула я с облегчением.

Ведь и правда, госпожа Нерина с нами приехала не для того, чтобы бока отлеживать.

Лори вышла за порог с героическим видом первооткрывателя, отправляющегося к неизведанным землям. Тетушка Тави, хитро усмехнувшись, шагнула следом и мгновенно растворилась в воздухе.

Мы с Лансом переглянулись: мы впервые остались наедине. За окном тенькала, надрываясь, какая-то пичуга. Билась о стекло настырная муха. Не нужно никуда бежать, торопиться, решать вопросы.

– Ну, что будем делать, господин Мон? – улыбнулась я.

Ланс притянул меня за талию, легонько поцеловал.

– М-м-м, мне кажется, я знаю.

Я рассмеялась и шлепнула его по руке.

– Лучше дождемся вечера, мой ненасытный муж.

Как же замечательно, что можно снова шутить, перелистнув мрачную страницу нашей жизни. Хотелось верить, что все самое плохое позади. Да, здесь мы будем умирать от скуки, но лучше уж от скуки, чем от страха за жизнь Лори.

Я вспомню, что умею накладывать швы не только на раны, а Ланс давно мечтал сесть за диссертацию о проклятии некроманта. Вот пусть и займется!

– Идем! – сказала я.

– Куда?

– В универсальный магазин господина Тори, купим тебе пачку бумаги, чернила и перья! А еще ткань, нитки и иголки для меня. Вернее, для тебя – для твоего нового костюма. И заодно познакомимся с жителями, мой прекрасный господин Мон.

– Согласен, госпожа Мон.

Ланс коснулся губами моего запястья. Я покачала головой.

– А вот аристократические привычки придется забыть. Теперь я стану учить тебя вести себя в обществе! – И я вздохнула с притворным сожалением.

На улице жарило солнце. Оказывается, шляпка и тонкие перчатки значительно облегчают жизнь! Я успела к ним привыкнуть. Впрочем, к хорошему быстро привыкаешь. Теперь ни слуг, ни водных артефактов, ни кухарок…

*** 11 ***

Жизнь в маленьком городке вроде Змеиной Горы мало чем отличается от деревенской. На рассвете орут петухи, вырывая из объятий сна. Стоит снова задремать, как раздается не слишком мелодичный звон колокольцев, когда пастух собирает по домам стадо и ведет на пастбище, и этот звук заставляет проснуться окончательно.

Днем разморенные солнцем улицы кажутся почти вымершими. Вот разве что пробежит стайка ребятишек, разгоняя ленивую тишину, и снова никого. Взрослые на работе, в поле. Почти у всех жителей городка были наделы земли, если не свои, то арендованные, а летний день год кормит. Зимой многие уйдут в большие города на заработки: на фабрики, в извозчики, а то и наймутся в лавки.

В самой-то Змеиной Горе лавок, почитай, и нет. «Универсальный магазин», торговавший всем, от мыла до кружевной тесьмы. Продуктовая лавка, где можно купить чай, сахар, средней паршивости кофе и крупы. Мясная лавка, владелец которой, господин Рутцен, кичился, что хранит товар не на леднике, а в самом настоящем стазисном ящике, который он заказывал аж из самой столицы. Да еще пекарня и пивоварня матушки Картер. По утрам там можно было купить горячий хлеб – и редко когда Лори не отгрызала горбушку по дороге домой, – а вечером открывался трактир, что служил

местным своего рода клубом. Куда еще было податься после целого дня тяжелой работы? Запить несколько ломтей хлеба свежим пивом, поговорить о том о сем, прежде чем, вернувшись домой, уснуть сном праведника, чтобы утром снова подняться с первыми петухами.

Порой Лансу казалось, что он вернулся в детство, когда проводил все лето в Осинках, дедовом имении. Тот же запах пыли и нагретой солнцем лебеды, тот же шелест листьев за раскрытыми настежь окнами, ленивый перелай дворовых собак да звонкие детские голоса.

Только сейчас не он, а Лори убегала из дома ни свет ни заря, чтобы вернуться поздно вечером уставшей, с разводами пыли на личике, а иной раз и ссадинами на коленках, взахлеб рассказывала новости. Разродилась соседская кошка. «Они такие малюсенькие-малюсенькие, даже глазки не умеют открывать, мамуля, можно мы одного возьмем, можно?!» Старшие мальчики, которые уже считали зазорным возиться с «малышней», разрешили сыну господина Рутцена сходить с ними ловить раков: шестилетний орчонок был крепче некоторых подростков. Тайком выбраться в окно Ульрих сумел, так же незаметно вернуться – нет, но больше всего жалел не о домашнем аресте, а что отец забрал честно добытых раков и выставил их в лавке. «У них клешни, вот такие, – тараторила Лори, – Ульрих говорит, палец перекусить могут!»

Ник, тот самый мальчонка, что показывал дорогу к дому, притащил с дедовой пасеки самую настоящую живую лиси-

цу. «Только я ее погладить не успела. Никто не успел, она вдруг цапнула Ника и убежала. Наверное, собак испугалась». Ланс видел, как нахмурилась Грейс, услышав это, как десять раз переспросила, не трогал ли еще кто из детей эту лисицу, и точно ли ее не догнали собаки.

Он и сам напрягся и даже сходил к старому Нику, деду мальчика, – ребенка нужно было немедленно отправить к лекарю, у которого есть вакцины. Именно лекарю, магия не могла предупредить развития болезни. Но старик и слушать не стал. Дескать, и его самого по молодости недобитки на охоте, бывало, кусали, и ничего не было. Какая такая вак-цина? Случится что или нет, одним пресветлым богам известно, а к лекарю ехать – день терять. Да и кто поедет: родители в поле, а самому Нику мед гнать надо. Вот, кстати, господин Мон, не хочешь ли подзаработать, помощник нужен, тяжело уже одному.

Подзаработать Ланс не хотел, но от предложения не отказался: устал целыми днями бездельничать. К тому же надеялся переубедить старика. Заработать несколько монет и большую крынку душистого меда получилось, переубедить – нет, отточенное дебатами в Совете красноречие разбилось о непоколебимое «все мы в руках божьих». Давненько Ланс не чувствовал себя настолько беспомощным.

Для Лори дни в Змеиной Горе неслись вскачь, Грейс, кажется, тоже вовсе не скучала, занятая то домашними делами, то рукоделием, а для самого Ланса время тянулось мед-

ленно-медленно.

Работа над диссертацией застопорилась: он успешно написал практическую часть, но для теоретической нужен был обзор источников, а где их взять, те источники? Библиотеку в Змеиной Горе заменял все тот же трактир матушки Картер, где хранилась годовая подшивка газет «Западный вестник» да трехлетняя подборка журналов «Душеполезные чтения».

Нет, Ланс не чурался местных и регулярно захаживал в трактир, он же клуб, но столичные сплетни людям быстро приелись, к тому же приходилось следить за каждым своим словом, чтобы не сболтнуть лишнего. Прошло меньше недели, и обсуждение вернулось к местным новостям, к которым ему было нечего добавить.

К тому же все свежайшие сплетни ему приносила с утра старая Ула. Гоблинша, похоже, решила, что несмышленая «молодежь» никак не справится без мудрых советов, и щедро их раздавала.

*** 12 ***

– Здоровый мужик, а сидишь, от безделья маешься, – проворчала как-то Ула, как всегда явившись с утра пораньше, и Лансу пришлось напомнить себе, что «мужик» – это не оскорбление, а комплимент. – Никогда не знаешь, что завтра случится, сегодня кошель звенит, а завтра пустой.

Ланс тоже успел заметить, что жители Змеиной Горы хватались за любую возможность заработать. Женщины без устали вязали и шили. По осени все их рукоделие: шейные платки, ночные колпаки, теплые рукавицы, шали и шарфы – отправится на ярмарку, а оттуда – в большие города. Мужчины резали из дерева домашнюю утварь, деревянные сабо или шили из кожи мягкие башмаки: такие носили небогатые горожане по всей стране. На фоне горожан Ланс действительно выглядел бездельником.

– Заглянул бы к господину Тори, у него приказчик уволился. – Гоблинша пожевала губами. – За счастьем все в большие города рвутся, да только где оно, то счастье? Всё одно возвращаются, если не сами, так дети их. Вон хоть как Алдан.

– Алдан? – переспросил Ланс, мысленно перебирая жителей городка.

– Грин, – пояснила Ула. – Матушка-то у него Алдан была. А сынок теперь, вишь, нос задрал, вот-вот небо проткнет.

Да пусть всех богов благодарит, что отец его женился, грех прикрыл. Мэтр, тоже мне.

Ланс хмыкнул. Он ходил к мэтру Грину: познакомиться и приглядеться, уж слишком подозрительным казалось появление боевого мага в этакой глуши. Знакомство не удалось. «Вы что, господин, – это слово старик процедил, одновременно оглядывая Ланса с ног до головы, – считаете себя вправе навязывать свое общество потомственному дворянину? Здесь, конечно, глушь, но то, что мы оба из столицы, не делает нас равными».

Вспоминая эту беседу, если ее можно было так называть, граф Даттон не знал, то ли досадовать, то ли смеяться.

К господину Тори, владельцу универсального магазина, он все же заглянул. Господин Тори, седовласый и дородный, попросил его вернуться вечером. Лишившись приказчика, хозяин сам встал за прилавок, «а разве тут поговоришь нормально» – развел руками он, одновременно улыбаясь зашедшей в магазин оборотнице.

Когда Ланс вернулся, хозяин принял его в кабинете. Поднялся из-за стола, поклонился, приветствуя, и, садясь, неловким движением смахнул со стола столбик монет. Серебряные кругляши раскатились по полу. Поминутно извиняясь, хозяин начал их поднимать, Ланс бросился ему помогать, так что к делу они перешли не сразу. Разговор тек ровно и гладко, но закончился ничем.

– Вы уж простите меня за прямоту, господин Мон, – ска-

зал наконец господин Тори. – Вижу я, что человек вы честный. – Он бросил короткий взгляд на вновь выстроившийся монетный столбик, и Ланс понял, что деньги рассыпались вовсе не случайно. – Да только… как бы вас не обидеть… Столичная вы штучка. У нас тут народ простой, они в магазин не покупать приходят. Покупать, конечно, тоже, но что, справная хозяйка таких полотенец не подрубит? – Он сдернул со спинки своего стула и показал Лансу отбеленное льняное полотенце, Грейс вытирала такими посуду. – Повыбирать они приходят, поговорить. На свекровку пожаловаться, хозяйством похвастаться, соседям косточки перемыть. А вы… Не обижайтесь уж. Пообживетесь, если охота не пропадет, приходите, может, и договоримся.

Выходя из магазина через черный ход, Ланс столкнулся с женщиной. Все знали, что вдова Эббот «ходит» к господину Тори, но даже вечная сплетница Ула лишь качала головой. Муж утонул, нанявшись на сплав бревен, а каково одной троих детишек поднимать? Ланс уже видел ее, болезненно худую, сутулую, а сейчас, столкнувшись нос к носу, обратил внимание на яркие пятна румянца на бледных щеках. Устыдилась, что чужой узнает?

Женщина закашлялась в потасканную тряпицу, покрытую бурыми пятнами.

Не удержавшись, Ланс сотворил диагностическое заклинание. Так и есть. Чахотка догрызает остатки легких. Еще какое-то время, и трое детей останутся круглыми сиротами.

Он колебался недолго.

– Вам плохо?

Обнял склонившуюся женщину за плечи, с ладоней послушно полилась магия, уничтожая заразу, латая прорехи в легких. Сделать чисто не получится – времени мало, но, по крайней мере, болезнь пройдет.

Женщина раскашлялась еще сильнее, согнулась, а когда распрямилась, лицо ее пылало гневом.

– Да что вы себе позволяете!

Щеку обожгло, Ланс отступил – рука у хлипкой на вид женщины оказалась тяжелая.

– Думаете, за вдову и заступиться некому, лапать лезть?!

– Прошу прощения, – коротко поклонился он.

Развернулся и зашагал домой, пока в спину продолжала лететь ругань.

*** 13 ***

Диссертация Ланса застопорилась. Листы пылились на краю стола, сколоченного из свежеструганых досок. Стол стал нашей первой крупной покупкой, он терпко пах деревом и смолой. Лори приноровилась отковыривать и съедать янтарные капельки. Это моя-то дочь, прежде привередливая в еде. Она загорела и окрепла за те несколько недель, что мы провели в городке. А госпожа Нерина даже похудела. Еще бы, с нашей егозой не будешь стоять на месте.

– Ну наконец-то! – радовалась телохранительница. – Работа на свежем воздухе – самая лучшая диета!

Ланс тоже очень старался найти себе дело. Но жители, хоть и не подавали вида, чувствовали, что он чужой им. Не ровня. Зато мэтр Грин отчитал Ланса, как мальчишку.

– Выходит, его появление в Змеиной Горе, скорее всего, случайность, – сказала я. – Иначе бы для отвода глаз он притворился твоим лучшим другом.

– Если это, конечно, не сложный трюк. Возмутиться, чтобы я его не заподозрил! – улыбнулся Ланс.

Спустя несколько дней муж признался, что вылечил запущенный туберкулез у вдовы Эббот. Вид у Ланса при этом сделался виноватый. А все потому, что за те недели, что мы провели на новом месте, я несколько раз заводила разговор о том, что мы вполне могли бы оказывать целительскую по-

мощь нашим соседям. Мало ли что может произойти. Позавчера вот парнишка Кирков косой обрезался. Хорошо, что не сильно и кровь удалось быстро остановить. Отцу срочно пришлось запрягать телегу и везти сына в Высокие Соколки. А это полдня пути туда и полдня обратно, в то время как мы могли зашить и залечить рану за час.

– Ланс, никто не заподозрит в нас родственников лорда-канцлера, – уговаривала я его. – Целителями становятся выходцы из разных слоев населения. Что далеко ходить – я, например.

Обычно эти разговоры мы вели шепотом перед сном, устроившись в объятиях друг друга на жесткой кровати.

– Слишком опасно. Очень скоро во всех близлежащих городках узнают, что на Змеиной Горе поселились супруги-целители. Слухи дойдут и до столицы. Думаешь, трудно будет сложить два и два и вычислить, кто мы такие?

– Да когда они еще дойдут! – упрямилась я. – А эти людям… разумным… наша помощь нужна именно сейчас!

– Нет, Грейс! – резко ответил Ланс.

Муж сел на кровати, устремив взгляд в окно. Спина его сделалась слишком прямой, будто Ланс собирался противостоять оппонентам в Совете. Но их здесь не было, а была только я. И Ланс понял это через мгновение, опустил голову.

– Если нужно выбрать между помощью жителям и безопасностью нашей дочери, я выбираю Лори, – тихо сказал он.

Мой любимый. Я могла представить, какая буря сейчас

бушевала в его сердце. Приподнялась на локте и провела ладонью по его спине между лопаток.

– Иди ко мне, – примирительно сказала я. – Я обещаю хранить нашу тайну.

А потом заболел Ник. Об этом мне сообщила Лори, когда прибежала на обед. Кто бы узнал в этой чумазой девчонке с выгоревшими на солнце волосами маленькую наследницу рода Даттон! Да я сама ее едва узнавала!

Глория взгромоздилась на слишком высокий для нее стул и, болтая ногами, принялась рассказывать, сколько всего интересного случилось с ней с утра. Котята уже открывают глазки, а у Тимерсов злой петух. Прямо пес, а не петух!

– Мам, а бывают охранные петухи? – спрашивала она. – А зубы бывают у петухов? А у курочек?

Я отвечала между делом, особо не вслушиваясь в веселое дочкино щебетание, помешивая похлебку, которая была почти готова.

– О, тетя Тави! А ты где была? Тоже гуляла?

Госпожа Нерина зашла за перегородку, отделяющую кухню от комнаты, и тяжело опустилась на табурет.

– Уф! Да, птичка, гуляла! Уж так нагулялась!

Я усмехнулась, вытащила миски – видели бы родители Ланса, из какой посуды ест их внучка! – налила похлебки телохранительнице и Лори. Мы с Лансом пообедаем позже. Муж отправился в трактир матушки Картер: сегодня обещали привезти свежий выпуск столичного издания.

– А Ник заболел! – между делом сообщила Лори с набитым ртом.

– Заболел? – переспросила я и тут же спохватилась: – Сначала прожуй!

– Мы, конечно, поругались, потому что он дурак…

– Глория! Чтобы я больше не слышала от тебя этого слова!

Думаю, моих свекров ждет немало прекрасных сюрпризов после нашего возвращения!

– Ладно, мам. Хоть мы и поругались, мне его все равно жалко.

Лори действительно разругалась с Ником, с которым была неразлучна с первого дня. Позавчера вечером она пришла домой и, захлебываясь слезами, поведала нам, что Ник ее обидел.

Ланс тут же оказался рядом с Глорией, присел на корточки.

– Как обидел? – спросил он, взяв ее маленькие ладошки в свои.

– Обозвал фи-ифой! – рыдала Лори. – Фифой!

– И что это значит, по-твоему? – улыбнулся муж: у него, я видела, от сердца отлегло.

– Что-то га-адкое! – не унималась дочь. – Все хихикали!

Мы продолжили расспрашивать Глорию и скоро не знали, плакать или смеяться. Наша дочь не желала ничего плохого, она вела себя так, как привыкла. Жители деревни, куда граф Даттон иногда привозил внучку, готовы были выполнять лю-

бое желание маленькой монны. Почему же теперь противные мальчишки отказываются доставать ей яблоки с высоких веток, играть в мяч столько, сколько она пожелает, и не обмахивают ее лопухом, если она устала. Причем Ник это исправно делал, хоть иногда и говорил: «Избаловали тебя, малявка!» – а тут вдруг ощетинился и процедил: «Ну ты и фифа! Выпороть бы тебя, да некому! Я-то думал, ты нормальная! А ты вот какая!» И сплюнул сквозь щербину в зубах в дорожную пыль. Почему – непонятно! Лори-то всего лишь хотела научить его читать. Даже удивилась, что Ник, такой большой парень, букв совсем не знает. Может быть, он головой ударялся, когда маленький был?

– Так и сказала? – Брови Ланса взлетели вверх, в глазах плясала смешинка. – Лори, малышка, думаю, ему было очень обидно это слышать.

Мы с мужем, конечно, поняли, что Глория, дочь целителей, выдала такое, наслушавшись наших профессиональных разговоров. Но Ник оскорбился и не пожелал больше общаться с фифой, которая слишком высоко задирает нос.

И вот теперь Лори принесла новость о том, что шустрый и в общем-то добрый мальчишка заболел. Я принялась тереть стол, кусая губы. Скорее всего, ничего страшного: перекупался или объелся ягод. Обычное детское недомогание.

– Знаешь, что случилось? – не удержалась я.

Лори пожала плечиками.

– Дедуля его приходил в лавку господина Рутцена, чтобы

купить травяных леденцов от лихорадки, а мы с Вики зашли попить водички.

Знаю я эти леденцы – только и проку от них, что мятой пахнут, а жар не сбивают совсем.

– Он и рассказал господину Рутцену, что Нику совсем плохо. Царапина на шее, куда его лисичка укусила, покраснела и вос… васп…

– Воспалилась.

– Ага. Ник не ест, не пьет, кричит от света и совсем не разговаривает. Дедуля его очень грустный. Чуть не плачет. Доставал монетки из кошеля, и у него руки тряслись. Все монеты разлетелись по полу, так мы с Вики собрали, помогли. Я молодец?

– Молодец, – механически ответила я, застыв на месте, как статуя.

Я могла ошибаться и изо всех сил надеялась, что ошибаюсь, но все услышанное слишком походило на симптомы бешенства. К тому же Лори рассказывала, что Ника поцарапала дикая лиса, а они часто становятся переносчиками болезни.

Жаль, что старый Ник не послушал Ланса! Без вакцины бешенство превращается в смертельную болезнь! Есть только один способ спасти мальчика – целительская магия. Причем вливать ее в ослабленное тело нужно определенными дозами, днем и ночью. Ника придется забрать к нам домой. Но тогда жители городка очень скоро поймут, кто такие супруги Мон…

*** 14 ***

Дочка упорхнула на улицу, госпожа Нерина ушла следом. Я перемыла посуду, разложила было шитье, но так и застыла с иголкой в руках. Было невыносимо думать о том, что совсем рядом погибает маленький мальчик, а я, целитель, должна сидеть сложа руки и ждать, пока он умрет.

Так просто было пообещать Лансу не вмешиваться, пока не пришла беда, помочь которой могла только я.

«Я только взгляну, – решилась я. – Облегчу боль. Может, это не бешенство…»

Пасека старого Ника располагалась на окраине Змеиной Горы, за ней только луг и темнеющие на горизонте горы. За неказистой хижиной растянулись ряды ульев. Сам хозяин бортничал, нацепив на голову накомарник, а на руки кожаные рукавицы. Я поспешила к нему.

– Добрый день, дочь сказала, ваш внук заболел. Как он себя чувствует?

Старик кинул на меня хмурый взгляд, приняв беспокойство за любопытство.

– Спасибо, милая. Худо ему пока. Но скоро станет лучше. Вот свежего медка ему сейчас разведу, напою – и полегчает. Мед – он от всякой заразы поможет!

Если бы все было так просто!

– Можно его проведать?

Лицо старого Ника вспыхнуло гневом. Он подумал, я, как местные кумушки, всюду сующие свой нос, хочу стать первой, кто разнесет сплетни.

– Ни к чему, госпожа Мон, – сдержанно отчеканил он. – Скоро поправится, вот и полюбуетесь! Доченьке вашей привет и не хворать ей!

Сказал – как оцарапал. Намекает, что мне самой будет не до зевак, если с Лори что-то случится. Знал бы он, что я недавно пережила.

Я открыла рот. Закрыла. Таких, как старый Ник, не переубедишь. Ланс, как ни старался, – не смог.

– Пора вам, милая. А то пчелки-то у меня больно злые! Как бы не закусали.

– Мед уже созрел? – перевела я беседу на другую тему, понимая, что добром договориться не выйдет.

– Созрел-созрел… Самая пора собирать. – Ник явно хотел избавиться от меня поскорее. – До вечера провожусь.

Отлично. Именно это я и хотела услышать. Время у меня есть.

Я сделала вид, что выхожу на дорогу, ведущую в город, а сама, стоило старому Нику отвернуться, нырнула в дом. В нос ударил запах нездоровья. Окна были занавешены одеялами и простынями, так что в комнатке было сумрачно, как ночью. Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядела единственную кровать у стены – вероятно, в обычное время ее занимал дед. Сейчас же на ней, вытянувшись, застыл Ник.

Его глаза были закрыты, челюсти крепко сжаты, он часто и поверхностно дышал.

Я провела ладонями над худеньким тельцем, сплетая диагностическое заклинание, и с сожалением выдохнула, когда подтвердились страшные подозрения. Бешенство. Мальчишке без скорой целительской помощи осталось жить день-два от силы.

– Ник, – позвала я, склоняясь над мальчиком.

Он приоткрыл глаза, и его тут же выгнуло судорогой, в уголках рта выступила пена. Вздох замер на губах. Я поскорее влила магию, поддерживая дыхание и выравнивая сердцебиение. Больше я ничего сделать не могла.

И это я, целитель, дававший клятву святому Умберту, что не отвернусь от страждущего, кем бы тот ни был: богачом, бедным, ребенком или стариком!

– Так нельзя, Ланс! – прошептала я. – Нельзя!

Я укутала Ника в тряпье, чтобы солнечный свет не спровоцировал новый приступ, и рывком подняла Ника на руки. Заломило поясницу. Надо же, мальчишка выглядел таким худеньким, а держать его оказалось тяжело. Донесу я его до дома одна? Должна справиться! Устроила голову Ника у себя на плече и, отогнув край простыни, выглянула в окно: старик был увлечен делом и на дом не смотрел. Конечно, он спохватится и побежит разыскивать внука, но тогда я сумею найду нужные слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.